

трепа и слушала не умиротворенно, наслаждаясь, а очень просто и даже обыденно, как будто такие сказочные осенние субботы, когда листья дикого винограда над головой накалились до яркого багрянца и вот-вот вспыхнут, — такие вечера совсем для нее обыкновенные дела. И Сечнева только тогда осенило потайным смыслом жизни этой женщины, наконец он понял его, но совсем не удивился своему открытию, он обрадовался ему, как будто определил и свою жизненную основу: "Ну конечно! Она всю жизнь стремилась жить, как люди. И все время к этому были преграды! Голод, сельское рабство, неустроенность после бегства в город и свой угол в летнем кинотеатре с измученным этой злой жизнью мужем. Поэтому у нее свое, особое понимание вот этого: "чтоб было все, как у людей"... И это застолье, и неожиданный, полный достоинства облик хозяйки, и это тихое небо над столом — "все, как у людей, по-людски"...

Летчик из Донецка и киномеханик Мураховский затеяли сюрприз для хозяйки. Для этого они отправили ее в дальний конец летнего кинотеатра, сами суетились, бегали к воротам, разматывали и натягивали какой-то провод... Когда закончили, то отвели именинницу к воротам и предложили нажать на кнопку, которой раньше тут не было. Алевтина нажала — и в ее эстрадных покоях раздался переливчатый мелодичный звонок... И хозяйка, забыв обо всем, беспрестанно нажимала на кнопку звонка и смеялась.

Подарок

- Простите, графиня, что приехал к вам без подарка.
  - Ах, князь! Ваше пребывание у нас уже есть подарок!
- Сцена из оперетты

Ранним декабрьским утром Станислав Семенович, бреясь, торопливо прокручивал в уме предстоящий день: "Заскочить на фирму, посмотреть сценарий новогоднего утренника... Потом репетиция. Да, предложить Юлику новую мизансцену в дуэте с Люсей... После репетиции забрать из школы внука, пообедать, часок подремать... Или заняться крючками? О-о, надо же доделать блесну, совсем забыл!.. В четыре съемка рекламного ролика, в шесть — в театр! Попросить Эрика во втором акте играть "Молдаванку" помедленнее, вчера едва успевал... Да-а, силы уже не те..."

— "Но об этом никто не узнает", — пропел он, сложил бритву и, продолжая напевать, отправился завтракать. В кухне его ждала жена с тонометром. Он безропотно закатал рукав рубашки.

- Сто сорок на девяносто, — сказала жена, складывая прибор.
- Нормально.
- Для твоего возраста — да. Но особенно не скачи.
- У нас сегодня вокальная репетиция. Танцевальная — завтра.
- Я это учту. Завтракай.

Он уже заканчивал свою овсянку, когда раздался телефонный звонок.

— У меня зазвонил телефон! — Станислав Семенович поднялся, прошел в коридор. — Кто говорит? Слон! — снял трубку. — Алло!

— Хэллоу! — незнакомый голос звучал уверенно, с легким напором. — Мне нужен на пару слов Стас Семеныч!

- С кем имею честь?
- На проводе Берни Лодер из Сиднея.

Он любил родной город, одесситов чувствовал за версту.

— А как вас звали на Успенской?
— На Успенской? — голос на секунду растерянно смолк. — А, на Троицкой! На Троицкой меня звали Боря Лендарский!

- Лендарский? Это не те Лендарские, что жили в доме 10?
- Нет, мы жили в доме 15. Вы, что, за нас знаете?

— Слышал, — хоть и опаздывал уже, но решил "австралийца с Троицкой" выслушать до конца. — Так что вы хотите?

— Хочу пригласить вас в Австралию. Вас очень любят мои мама Люба и папа Коля.

— И это повод, чтобы я летел на другой конец света?

— А что такого? Так вы согласны? В Сиднее надо быть не позже 5-го января!

В голове телеграфно простучало: "Розыгрыш! Кто? Найду — убью!". Но ответил по-актерски приветливо:

— Господин Лодер, у меня еще не утвержден январский график. Позвоните мне дня через три, я уточню свое рабочее расписание.

— О'кей! — и в трубке зазвучали гудки отбоя.

Определитель номера выдал цифровую абракадабру, начинавшуюся с "612", такой комбинации он еще не встречал ни разу.

— Кто звонил? — поинтересовалась жена, когда они спустились во двор к машине.

— Предложили халтуру, — он решил не посвящать ее в странный разговор. — Но она мне что-то не очень.

То, что это розыгрыш, Станислав Семенович не сомневался ни секунды. В Одессе умели разыгрывать и похлеще композитора Никиты Богословского, аса шуточек и подначек, порой очень жестоких: это он в страшном тридцать седьмом опечатал квартиру актера Хенкина, тоже известного шутника, приклеив на двери бумажную полоску с "гербовой" печатью, сделанной с помощью простого пятака. Подслеповатый Владимир Яковлевич монетный герб принял за печать НКВД, много дней боялся даже подходить к дому, ютился в театре и у друзей, пока молодой олух Никита не сжалился над стариком.

Интересно, кто решился разыграть его, да еще так "масштабно"? Можно же было предложить, к примеру, главную роль в Венской оперетте или посулить денежные гастроли, — ан нет, замахнулись ни больше ни меньше как на поездку на далекий "зеленый" континент.

Весь день он прислушивался к голосам коллег, друзей и приятелей, пытался уловить интонации "австралийца с Троицкой". У него был абсолютный слух и феноменальная музыкальная память, недаром он — драматический актер, волею Судьбы оказавшийся в театре оперетты, не получивший никакого музыкального образования, не знал даже нот, стал, тем не менее, ведущим комиком, любимцем публики, кумиром, Народным артистом... Но ухо ничего ему не подсказывало.

На следующий день он вырвал полчаса и съездил на Троицкую. Во дворе дома 15 он увидел четырех старух, гревшихся на неярком декабрьском солнышке. Станислав Семенович подошел к ним и по приветливым улыбкам понял, что его узнали.

— Здравствуй, племя молодое! — приветствовал он старух.

— Здравсте! Какой гость! — заворковали они радостно.

— Не скажете, женщины, в какой квартире живут Лендарские?

— Да они, почитай, года три как уехали.

— Пять лет назад, — уточнила старуха, сидящая чуть в сторонке от соседок.

— Куда? — сделал он огорченное лицо.

— Не то в Австрию, не то в Германию.

— Что, все уехали? Может, кто остался?

— Все! Коля с Любой, и Борька-обалдуй, их сын.

— Обалдуй он был в школе, — не согласилась с соседками "одиночка", — а как кончил, то сначала "челночил", потом обзавелся контейнером на 7-ом километре.

— Точно! А потом банду сколотил, на "фордах" раскатывал!

— На "Мерседесе 500", — вновь возразила "одиночка". — И не банда у него была, а бригада, дома строили в "Царском селе"!

— Да-а, добра наворовал, такой ремонт в квартире отгрохал!

— А толку? С месяц и пожили как люди...

— Нет, полгода!

— Какой полгода? Ремонт кончили осенью, а перед Новым годом уже уехали!

Заспорив, старухи забыли про гостя, а он не стал ждать конца их перепалки, прощально кивнул молчавшей "одиночке" и быстро скрылся в подворотне.

По пути в театр заехал на "междугородку", где ему сказали, что код Австралии "61", а Сиднея — "2"... Итак, Борис Николаевич Лендарский существует, и даже пять лет назад проживал в Одессе на улице Троицкой...

Следующий звонок из Сиднея раздался утром третьего дня. Направляясь к телефону, Станислав Семенович еще не знал, что скажет и как поступит.

— Вы согласны? — в лоб спросил Берни Лодер.

— Даже не знаю, что вам ответить, — в его голосе, видимо, прозвучали нотки неуверенности, их мгновенно уловил Борис:

— Есть проблемы?

— Дело в том, что я главный Дед Мороз Одессы. С 1-го января на морвокзале в течение каникул у меня по три елки в день.

— Значит, десять дней не будет репетиций в театре?

— Да-а... пожалуй.

— "Дед Мороз", найдите себе замену!

— Нет! Это невозможно! И потом... это возможность заработать, — Станислав Семенович тут же мысленно обругал себя: "Что с тобой, Стасик? Тебя берут на понт, а ты лепечешь несусветную чушь: это невозможно... есть возможность... Тьфу!"

— Я вам все компенсирую!

— К сожалению, я вынужден отказаться от столь заманчивого предложения. Нужен убедительный повод, чтобы просить замену.

— Во сколько у вас начинаются репетиции?

— В одиннадцать утра, — автоматически ответил он.

— По-нашему это... в семь вечера. О'кей, я найду вам убедительный повод! До встречи! — и Борис положил трубку.

И вдруг Станислава Семеновича даже в жар бросило: розыгрыш затеяли для того, чтобы сорвать премьеру и отобрать дорогую для него роль Деда Мороза! Точно! Все, хватит! В следующий раз он просто пошлет "австралийца" подальше!

Через неделю, в разгар репетиции, на сцену влетела секретарь директора Вера и трагическим голосом закричала:

— Стасик! К телефону! Срочно!!!

— В чем дело? — донесся из темноты зала голос режиссера.

— Прошу прощения! Звонок из Москвы!!!

— Да хоть с Марса! — возмущенно оборвал Веру режиссер. — Кто позволил вам врваться на сцену и срывать репетицию?

— Но звонят из посольства Австралии! Говорят, по важному делу!

— Из Австралии? — переспросил режиссер и милостиво разрешил. —

Ладно, перерыв — десять минут.

Поднявшись в приемную, Станислав Семенович направился к телефону, но Вера показала на пустой кабинет директора, сквозь распахнутую дверь которого он увидел лежащую на столе трубку.

— Алло!

— Господин Овсяник? Здравствуйте, — в трубке звучал приятный женский голос. — С вами говорит атташе по вопросам культуры посольства Австралии Кэрол Эджвер. Я рада сообщить вам, что на ваше имя пришло официальное приглашение в нашу страну от господина Лендарского.

Билеты в оба конца и недельное пребывание в Австралии полностью оплачены. Мы просим вас приехать для оформления документов.

— На какое число мне заказан билет на Сидней? — Станислав Семенович нажал кнопку определителя номера: "095" — звонили из Москвы.

— Билет на рейс "Москва — Сидней" заказан на 3-е января. Вылет в 12.00 московского времени, прилет в Сидней в 10 утра 5-го января.

"Неужели не розыгрыш, и все это мне не снится?" — пронеслось в голове, но он решил не сдаваться, а отступить на последний рубеж обороны:

— Извините, ехать в Москву сейчас, чтобы подписать несколько бумажек, а потом приезжать снова, мне как-то не с руки. Госпожа Эджвер, я очень занят, на носу премьера...

— Я вас понимаю: время — деньги, особенно для артиста, — голос атташе был предельно вежлив. — Не отходите от аппарата, я проконсультируюсь, что можно для вас сделать.

Станислав Семенович покосился и увидел изумленные глаза Веры, застывшей в дверях.

— Что... наследство получил? — спросила она с придыханием. Он не успел ответить, вновь заговорила Кэрол Эджвер:

— Господин Овсяник, может, вам будет удобнее подъехать в наше консульство в Киеве? Мы передадим документы туда сегодня же.

— Да, так будет лучше. Спасибо. Всего доброго, — Станислав Семенович осторожно положил трубку. Замер. Поднял голову и невидящим взглядом уставился на Веру. — Ты что-то сказала? — спросил он и, не дожидаясь ответа, медленно прошел мимо.

— Вот счастье привалило, — услышал он за спиной ее завидующий голос.

И тут до него дошла суть произошедшего: его действительно пригласили в Австралию! Совершенно незнакомый Борис Лендарский решил дорогих маму с папой "угостить" их любимцем, Стасиком Овсяником, истратив на свой эксцентрический поступок несколько тысяч долларов. Видимо, "достали" папа с мамой бывшего одесского "челнока" своими ностальгическими воспоминаниями и вздохами: "Ах, Стасик! Ах, "Марица"! Ах, "Цыганский барон"!.. А помнишь, каким Стасик был прекрасным Кавалькадосом в "Поцелуе Чаниты"!.."

Он попытался репетировать, но скачущие мысли мешали сосредоточиться и, в конце концов, его постоянная партнерша, восхитительная Люся не выдержала:

— Что с тобой, Стас? Проснись!

А на сцену уже грозно поднимался режиссер. Юлик встал перед ним и, задрвав голову, молча уставился на его "опрокинутое" лицо.

Станислав растерянно пробормотал:

— Бред какой-то... Надо лететь в Австралию.

— Объясни толком, — нарушил тяжелое молчание Юлик.

— Толком? — Станислав глупо улыбнулся, развел руками, его длинное тело виновато сторбилось. — Приглашают... говорят... наследство... — Он не знал, почему и откуда выскочило это слово, но оно было сказано.

— Наследство — это серьезно, — Юлик заправил в мундштук новую сигарету, закурил. — Надолго летишь?

Станислав не верил своим ушам: казалось бы, неразрешимая проблема решалась так просто и безболезненно.

— На неделю... Билет из Москвы на 3-е января...

— Ну что ж, до твоего отъезда будем репетировать день и ночь!

Станислав Семенович дремал, проваливаясь изредка в тяжелый, короткий сон — заснуть основательно мешали стюардессы, казалось, безостановочно разносящие завтраки, ленчи, обеды, полдники, ужины, напитки горячительные и прохладительные, кофе и чай, газеты и журналы, предлагая игры, наушники и прочая, и прочая. Не выдержав конвейерного сервиса, он на своем ужасном английском, но больше жестами, попросил принести повязку на глаза, затычки в уши, подушку, плед, и умолил, нет, потребовал, чтобы его не беспокоили хотя бы "файв" — он на всякий случай растопырил пятерню — пять часов! И от него отстали. Покрутившись в кресле, устроился поудобнее, думал, уснет мгновенно, но увы...

...После звонка из посольства он обо всем рассказал жене.

— Такого не бывает, — улыбнулась она. — Это сон. Сказка.

Поздно вечером, когда он в своем закутке готовил к поездке кофр с фотопричиндалами, она села напротив и вздохнула:

— Что-то тревожно... По-человечески мне понятен поступок этого Борриса, но такие деньги, просто так... Давай посоветуемся с детьми, они больше нас понимают в этой новой жизни.

Дети — это два сына, две невестки, внук, две внучки, правнук... Когда все собрались на "генеральную репетицию", как он называл семейные советы, расселись и успокоили внуков, он рассказал о странных звонках и о своих с матерью сомнениях. Младший сын, живчик Никита, едва дождался конца рассказа и категорично заявил:

— Нормальный ход! Были бы у меня такие деньги, поступил бы точно так же! Езжай, папа, и ничего не бери в голову!

Его поддержали невестки, а внук не то попросил, не то приказал:

— Дед! Привезешь утконоса?!

Старший сын Андрон, спокойный, собранный, рассудительный — весь в мать — был осторожнее:

— Чисто одесская выходка! Последствия непредсказуемы, а посему... Субсидирую поездку в Киев, но, папа, будь в консульстве предельно внимателен!

В Киеве документы оформили за час, еще часа два терпеливо и подробно отвечали на его дотошные вопросы... А что он сам помнил со школы о тех, "кто под нами вверх ногами"? Что скажут по Австралии кенгуру, бегают дикая собака динго, поют райские птички, ползают в травке утконосы и ехидны, что расплодилось несметно кролики, стали напастью вроде колорадского жука. Вот, пожалуй, и все...

Поднадчик Никита то и дело страшал отца:

— Ты там особенно не разгуливай, знаю тебя, интересанта, любишь поглазеть, — и с хитрым прищуром добавлял: — Все-таки Австралия — место ссылки, страна бывших каторжников...

...Проспал Станислав Семенович не пять, а почти семь часов. Проснулся отдохнувшим, с удовольствием поел, даже позволил себе чашечку давно запрещенного врачами кофе. За иллюминатором сверкали яркие близкие звезды, и только из-под крыла "Боинга" выглядывала тонюсенькая малиновая полоска, похожая на отсвет далекого пожара. Он взглянул на часы — в Одессе семь вечера, начинается спектакль. Без него. Пожалуй, впервые в программке напротив его фамилии помреж карандашом поставила "птичку" и чуть ниже вывела другую фамилию — замена. Впервые за полвека...

...Когда в конце почти двадцатичасового полета объявили посадку и попросили пристегнуть ремни, сердце екнуло. Нет, не от встречи с неизвестной страной, на своем веку он повидал их немало, совсем недавно добрался, так сказать, и до Америки. Его волновала встреча с Лендарскими, незнакомыми людьми, сделавшими ему такой шикарный подарок. Как себя вести с ними? Как встретят они его? Надеюсь, узнают, хотя и не договаривались ни о гвоздике в петлице, ни о газете "Правда" в левой руке.

Выйдя из таможенного зала, Станислав Семенович почувствовал, как кто-то крепко взял его за локоть: рядом стоял типичный одесский "качок", который вместо "здрасте" протянул ему большие черные очки.

- Борис Лендарский?
— Я его кореш, Володей зовут. А Борис занят по эти... по самые...
— Как вы меня узнали?
— Кто ж вас не знает, — хмыкнул Володя и чуть не силой водрузил ему на переносицу очки. — В этом проблема.
— В чем?
— Что знают. За мной!

Какими-то коридорами, через боковые двери Володя быстро вывел его к автостоянке, буквально впахнул в "холден", и они понеслись по широкому оживленному шоссе. За окном машины мелькали аккуратненькие домики, бензозаправочные колонки, рекламные щиты, диковинные деревья, слева горизонт закрывали горы.

- Как называются эти горы?
— Без понятия, — пожал плечами Володя. — Я тут всего три месяца, толком не осмотрелся.
— Куда мы едем?
— В отель.

Странно, почему его сразу не везут пред ясны очи мамы Любы и папы Коли, так жаждущих встречи с ним? И почему его не встретил сам Борис, ведь знал время его прилета еще до Нового года, мог спланировать свои дела... Что-то здесь не так. Не хватало еще на старости лет вляпаться в историю...

На все вопросы Володя отвечал односложно: "Без понятия", и Станислав Семенович отстал от него. Нарастающая тревога мешала любоваться улицами Сиднея, запомнился лишь горбатый мост через залив — больше и шире знаменитого одесского тезки.

В номере отеля Володя протянул пакет:

- Борис велел переодеться, чтобы походили на аборигена. И — не снимайте очки, а то сразу узнают.
— Кто? — искренне удивился Станислав Семенович.
— Да здесь одесситов как нерезанных собак. Вас могут узнать, и тогда не будет сюрприза.
— Какого?
— Передавать не велено. Борис вечером заедет, сам расскажет. Чао!

Ну, прямо сцена из "Сильвы": "Велено передать цветы." — "От кого?" — "Не велено передавать!". Ладно, посмотрим, что будет дальше...

В оставленном пакете он обнаружил легкую маечку со смешным рисунком кенгуру на груди и яркие шорты. В их кармане лежал конверт

с невиданными доселе австралийскими долларами.

Выйдя из отеля, Станислав Семенович с благодарностью оценил презент Бориса — было нестерпимо жарко и душно. Так и должно быть — когда у нас зима, у них — лето, сегодня здесь как бы 5-е июля, а не 5-е января. Он никогда не был в Англии, но примерно так представлял себе Лондон: сверкающие витрины магазинов-аквариумов, чистые мостовые и тротуары, левостороннее движение, солидные викторианские дома, над которыми возвышаются немногочисленные небоскребы из стекла и бетона. А ведь совсем недавно на этих улицах, за этими стенами бушевали нешуточные страсти. Жена Андрона перед отъездом заботливо подсунула ему несколько журналов, из которых он узнал, что не так давно спешащие вокруг респектабельные потомки каторжан отвергли на референдуме "самостийность" и пожелали остаться подданными королевы Англии.

Весь вечер Станислав Семенович провел в номере, но никто не пришел. И не позвонил. Ночь он провел ужасно, глаз не сомкнул — сказывалась восьмичасовая разница во времени. Лишь к утру уснул, но тут же, как ему показалось, проснулся от громкого стука в дверь.

- Кто там? — пробурчал он недовольно.
— Борис Лендарский!

В номер вошел мужчина лет 50-ти в светлом костюме с солидным, выпирающим из-под ремня животом. Окинул взглядом номер, удовлетворенно кивнул и без приглашения опустился в кресло.

- Собирайтесь, Стас Семеныч, пора на работу.
— Какую работу? — Станислав Семенович еще толком не проснулся и соображал туго. — Объясните толком.
— Сегодня "золотая свадьба" у моих родителей. И я решил сделать им необычный подарок. Подарок — это вы!

— Та-ак, — Станислав Семенович с изумлением уставился на Лендарского. — И как вы намерены меня преподнести? Перевяжете ленточкой?
— Зачем? Вы сами себя преподнесете. У вас есть что спеть маме с папой? — и страшно фальшивя, пропел: "Я цыганский барон, у меня тыща жен..."

— У меня большая концертная программа, — Станислав Семенович растерянно развел руками, — но мне нужен концертмейстер. Если бы вы предупредили...

— Вас устроит выпускник одесской консерватории? — перебил его Борис.

- Не знаю. Мне надо с ним встретиться, порепетировать...
- А я о чем! — Борис поднялся. — Едем репетировать!

Для семейного торжества Борис Лендарский арендовал ресторан. В зале человек на двести их ждали несколько мужчин, среди которых Станислав Семенович узнал встречавшего его Володю.

- Вовчик, — скомандовал Лендарский, — обеспечь конспирацию!

Трое поднялись и вышли из зала.

— Меры предосторожности, — пояснил Борис. — Хочу, чтобы сюрприз таки стал сюрпризом. Где пианист? Где Сема?

— Я здесь, господин Лодер! — В дальнем углу поднялся худой парень в очках, во фраке и с бабочкой под подбородком.

Еще на его подходе Станислав Семенович почувал беду:

- Здравствуйте. Вы играете Кальмана? Оффенбаха?

— Нет. Я думал, что вы привезли ноты.

Станислав Семенович растерянно посмотрел на Лендарского.

— А без нот ты не умеешь? — спросил он Сему. — Кого ты мне привез? — Борис грозно повернулся к Вовчику.

— Айн момент! — Шаркая больными ногами, к ним приблизился грузный лысый старик. — Я дедушка этого пацана. Наум Исаакович. Консерваторий не кончал, всего лишь школу Столярского, но несколько лет играл в ресторане "Море", когда там начинала петь Ларочка Долина. И еще немного знаю, как играет Эрик Штейнберг. Вас устроит такой вариант?

Станислав Семенович пожал плечами — давайте попробуем. Они поднялись на небольшую эстраду, старик тяжело опустился на стул перед роялем, поднял крышку, поерзал.

— Так что будем петь из Кальмана? "Сильву"? "Марицу"? "Принцессу цирка"? — он опустил на клавиши свои толстые пальцы-сосиски и, почти не поднимая рук, легко и экспрессивно сыграл "Ах, эти девушки в трико! Так ранят сердце глубоко!".

Буквально за полчаса они отрепетировали всю программу — вполгласа и вполноги. Старик аккомпанировал с виртуозным мастерством, он, казалось, дышал не воздухом, а звуками, рождающимися у него из-под пальцев, чувствовал каждый акцент, каждую паузу, каждое танцевальное движение, каждую фиксацию позы...

— Ну как, маэстро, вас устраивает такой аккомпанемент? — безучастно спросил старик, когда они закончили.

— Это потрясающе! Огромное спасибо! — искренне поблагодарил его Станислав Семенович.

— Увидите Эрика, передайте привет от Нёмы, старого, никому не нужного еврея.

— Ну что вы! Вы потрясающий музыкант!

— Раньше в Одессе таких было тринадцать на дюжину, — старик тяжело вздохнул. — Боря! — вдруг обратился он к довольному, собравшемуся уходить Лендарскому. — Одну минутку! У тебя найдется еще пару лишних копеек?

— А в чем дело?

— Если "да", то я попробую за пару часов собрать небольшой оркестр. Маэстро надо подать в приличной упаковке!

— О чем речь! — Боря мгновенно протянул старику мобильный телефон. — Звоните! Машина в вашем распоряжении!

— Сема! — позвал старик внука. — Пока я им буду звонить, привезешь сюда дядю Леву, Осика Гольдмана, Эмика Михальча, Яшу. Пусть захватят инструменты. Да, еще заедешь за Гришей Авербухом, у него машина, пусть везет свой контрабас сам, — Наум Исаакович на глазах оживал. — Вы мне, маэстро, не нужны, ваш репертуар я знаю, манеру тоже. Отдыхайте, а я с ребятами разберусь сам.

Станислав Семенович вернулся в отель, пообедал, поднялся в номер. Предстоящий вечер будоражил. За себя он не тревожился — много раз выступал с этой программой, она "обкатана", имела успех у зрителей. Но ведь и зритель у него сегодня необычный, и сама обстановка тоже. В Одессе он ни разу не позволял себе опуститься до выступлений на сомнительных сборищах, в ночных клубах, хотя и приглашали, и сулили большие деньги. А деньги были ох как нужны, особенно после того, как ушел из оперетты. Не мог он больше там оставаться, понял, что ему неинтересно до конца жизни играть иггранных-переиггранных Воляпюков и Пеликанов, хотелось чего-то нового. Вместе с друзьями он создал театр современного музыкального жанра, театр-шоу, нашел пьесу, удивительного режиссера, художника, балетмейстера и, конечно, молодых талантливых актеров. Да их и искать было не надо — кто прозябал в ТЮЗе, кто в Дrame, кто в Оперном. Вместе с ним ушла и его постоянная, вот уже почти полвека, партнерша Люся, с которой они понимали друг друга и в жизни, и на сцене с полувзгляда, намека, "десятым чувством". Потрясающая актриса и человек... Королева сцены... И деньги на постановку нашлись — помог город, порт, заводы... Вот, на выходе премьеры... А он здесь, у черта на

куличках... Вспомнилась строчка из услышанных вчера стихов: "Зачем я здесь, на этом берегу?". А затем, Стас, чтобы доставить землякам несколько мгновений радости, чтобы улыбнулись они, вспомнили родной город... Ведь бывших одесситов не бывает...

Он проснулся, будто кто-то толкнул его в бок. Глянул на часы — еще есть время. Поднялся и занялся привычной разминкой, приводя в "боевую готовность" погрузневшее с годами тело.

Пробежался "мелким бесом" — размял голеностопы; сделал несколько широких шагов с проседанием — "разогрел" икры и бедра; наклонился вперед-назад, вправо-влево, энергично размахивая руками — поясница и плечи приобрели гибкость. Взял трость, покрутил "пропеллер", вскинул над головой, поймал спиной — и так минут двадцать. Затем отправился в душ.

Когда через полтора часа за ним заехал Володя, он был во всеоружии: в светлом в тонкую полоску костюме, в кремовой рубашке, бабочке, на голове канотье, в руках тросточка, на ногах штилеты с подковками. Замерший на пороге Володя только и смог в изумлении выдавить из себя:

— Ну-у... Стас Семеныч... ну-у... вы... вообще...

Через служебный вход Володя провел его на кухню. Из-за плотной шторы доносился шум голосов, негромкая музыка.

— Борис сказал, что ваш выход, когда заиграют эти, ну, что часы на горисполкоме играют...

— Позывные Одессы?

— Во-во, — кивнул Володя. — Вы покантуйтесь здесь, а мне в зал надо, — и он оставил его одного.

Сквозь узенькую щель в шторе Станислав Семенович увидел переполненный зал, на эстраде оркестр, возраст участников которого в совокупности перевалил за пятьсот лет. Состав был взрывчатый: рояль, две скрипки, контрабас, труба и саксофон, но он с удовлетворением отметил, что звучал оркестрик очень даже прилично, слаженно, будто играли музыканты вместе долгие годы, а не собрали их пару часов назад... Наум Исаакович вдруг резко взмахнул рукой, оркестр смолк и по новому взмаху заиграл "Марш" Мендельсона.

В зал торжественно вступили "золотые молодожены": под оглушительные аплодисменты между столиками неторопливо шли, крепко сцепившись друг в друга, два седых человека. Мама Люба была в светлом платье и длинной, до пят, невесомой фате из тончайших кружев; папа Ко-

ля — в черном строгом костюме, в котором чувствовал себя явно неловко. Их усадили на почетные места за центральным столиком, Борис вскинул руки, требуя тишины:

— Дорогие гости! Прошу налить по первой! Хочу сказать пару слов за маму и за папу!

Зазвенели бокалы, послышались хлопки открываемого шампанского.

Станислав Семенович вдруг резко повернулся, быстро вышел из кухни, обогнул квартал и подошел к главному входу в ресторан, у которого скучало несколько парней во главе с Володей.

— Стас Семеныч, вы почему здесь? — удивился он.

— Володя, проверь: в фойе никого нет?

— Нет, все в зале.

Да, в фойе было пусто, из зала доносился голос очередного "оратора", произносящего необходимые случаю слова приветствия... Раздались аплодисменты и тут же зазвучали знакомые позывные: "Ты в сердце моем, ты всюду со мной — Одесса, мой город родной... Там-та-та-там..." Станислав Семенович глубоко вздохнул и шагнул в зал.

Он вальяжно шел между столиками, поигрывал тросточкой, приветственно улыбался, приподнимая канотье: "Здрате! Здрате! Здрате!". Оркестр смолк, и в зале воцарилась тишина. Эту тишину сравнить было не с чем, потому что это была полная, абсолютная тишина. Станислав Семенович легко поднялся на эстраду, подал неуловимый знак оркестру и запел приветственные куплеты... Закончил... В зале по-прежнему висела недоуменная тишина... И вдруг кто-то не выдержал:

— Так это ж Стасик Овсяник!!!

— Я вас умоляю! — недоверчиво возразил второй. — Откуда?

— Не может быть! — засомневался третий.

— Привет вам из родной Одессы! — Станислав Семенович снял канотье и низко поклонился. — Поздравляю вас, мама Люба и папа Коля, с золотым юбилеем! Я здесь не случайно. Это ваш горячо любимый сын Борю, уважаемый Борис Николаевич, специально пригласил меня на ваше торжество. Я — подарок вам!

И словно обрушился потолок — гости, забыв об этикете и всяких светских приличиях, закричали "Ура-а-а!!!", бросились обнимать и тискать "этого хорошего сына", "этого хохмача Борю", в зале творилось что-то невообразимое.

Привел всех в чувство Наум Исаакович: что-то крикнул музыкантам,

они грянули знаменитую мелодию из "Принцессы цирка", а Станислав Семенович подхватил ее:

Эй, гусар! Эй, гусар!
Веселись, пока не стар! И знай, —
Что время идет, забывать о том нельзя,
Надо прожить нашу молодость не зря!
Помни, гусар, — счастья не жди!
Счастьем навстречу иди!

В зале успокоились, и Станислав Семенович начал свою программу, — конечно же, с бессмертного шлягера из "Сильвы":

Без женщин жить нельзя на свете, нет!
В них "солнце мая", как сказал поэт!..

Каждый номер принимали на "ура", с восторгом, долгими аплодисментами, куплеты Мишки Япончика пришлось "бисировать". Оркестр за спиной работал безукоризненно, он несколько раз поднимал измочаленных стариков на поклон. Они давно скинули свои парадные пиджаки, растегнули ворота рубашек, лица их светились от счастья, было видно, как истосковались эти старые "лабухи" по настоящей работе, которая вернула их в юность.

Ему самому на миг показалось, что поет и танцует он не в ресторане далекого Сиднея, а в родной "Красной" — те же лица, те же улыбки, тот же смех...

...Посмотрев впервые эту его программу, Ася назвала ее "Путешествие по жизни". Действительно, память щедро подсказывала ему песни и сценки, куплеты и танцы из сыгранного за полвека. Он хотел развернуть перед зрителем свою судьбу, судьбу человека, прожившего долгую, разнообразную и — черт возьми! — интересную жизнь!..

Когда он запел одесские песни, зал ответил ему благодарным ревом и запел вместе с ним... А когда зазвучали слова заключительной песни: "Ах, Одесса, жемчужина у моря! Ах, Одесса, ты знала много горя! Ах, Одесса..." — все как один встали и подпевали так вдохновенно, будто клялись в вечной любви далекому, но навсегда родному городу. У многих текли по щекам слезы, но они не стеснялись их...

После выступления его подвели к виновникам торжества. Он еще раз поздравил их с юбилеем, с прекрасным, заботливым сыном. Мама Люба

вцепилась в рукав его пиджака и не отрывала от него влюбленных глаз. Папа Коля, слегка уже пьяненький, выслушал его, кивнул и приказал сыну:

— Бора, налей человеку румку, я хочу с ним выпить, — они чокнулись, выпили. — Ви здорово пели. Спасибо вам.

— Это вашему сыну спасибо, — деликатно ответил Станислав Семенович.

А потом он пошел "по рукам": каждый хотел потрогать его, убедиться, что это таки действительно он — настоящий Стасик, а не пародист; каждый хотел задать "свой вопрос за Одессу" и услышать ответ "для себя"... Непрерывно приглашали в гости на "рюмку чая"...

В фойе его окликнул человек, лицо которого показалось знакомым.

— Отличная программа! — сказал незнакомец и заботливо обнял его за талию — выше не позволял рост. — У меня есть деловое предложение. На фига вам та Одесса? Что вы там имеете? Оставайтесь здесь! Будем катать вашу программу. Сначала по всей Австралии, потом по Новой Зеландии! Везде полно наших людей. Можно заработать хорошие деньги!

— Извините, я очень устал, — Станислав Семенович сбросил с гудящей поясицы руку незнакомца.

— А как же мое предложение?

— У меня в Одессе очень много дел, — и Станислав Семенович направился к выходу, вспомнив замершего за спиной "доброхота": работал администратором на киностудии.

У машины ждали Борис и Наум Исаакович.

— Ваш гонорар, — Борис протянул ему конверт.

— Нет, нет, — решительно отказался Станислав Семенович.

— Но вы же работали.

— Я получал наслаждение.

— Я тоже, — поддакнул Наум Исаакович. — Золотой получился вечер. Жаль, нельзя повторить. Завтра о вашем выступлении, маэстро, будет гудеть весь Сидней.

— Повторить? — переспросил Станислав Семенович. — А, что, давайте повторим. Здесь, говорят, много наших.

— Много, — глаза Бориса загорелись. — Сколько вы сможете выступить за неделю?

— Не знаю. Раза три, не больше. Силы уже не те... годы...

— Два! — твердо произнес Наум Исаакович. — Это же работа на износ!

— Мне бы хотелось поездить, посмотреть, — нерешительно сказал Станислав Семенович. — Когда еще придется попасть в эти края, и придется ли...

— Ирину я дам, и Вовчика в придачу. Только он здесь еще ни хрена не знает.

— А я своего Сему дам в провожатые, за пять лет освоился.

— Только давайте, Стас Семеныч, договоримся сразу, на берегу. Концерты — платные, надо будет оплачивать помещение, оркестр и вам, детишкам на молочишко. А пока — вот аванс, — и Борис снова протянул Станиславу Семеновичу конверт.

На этот раз артист конверт взял.

Внук Сема явно получил не то образование, ему бы быть социологом или экономистом — с таким жаром, с таким знанием предмета рассказывал он об Австралии, о ее природе, хозяйстве, культуре.

Они побывали в столице Канберре — тихом, уютном городке, похожем скорее на огромный парк: кварталы из одноэтажных коттеджей разделяли друг от друга широкие тенистые аллеи, многоэтажных домов было раз-два и обчелся — здание парламента, несколько магазинов и гостиниц.

— В Канберре нет ни одного промышленного предприятия, только их представительства, — заметил Сема. — Город чиновников.

— Вот где крутятся деньги! — ахнул Володя.

— Деньги крутятся не здесь, а в Сиднее, Мельбурне, Брисбене и Аделаиде.

— Откуда ты знаешь?

— Читать надо, интересоваться. Если эта страна стала твоей родиной...

— Моя родина — Одесса! — оборвал Сему Вовчик. — Вот накошу побольше башлей и сорвусь домой. Что здесь делать? Овец, что ли, пасти?

— А это, между прочим, здесь очень выгодное дело, — горячо возразил Сема. — Ты знаешь, что Австралия производит больше всех в мире меринской шерсти, что здесь почти двести миллионов овец?

— Иди ты?!

— Вот и иди. А ну-ка, сверни налево.

Дорога запетляла вверх. Минут через двадцать они остановились, вышли из машины. Поднимаясь на ближайший пригорок, поотстав от Володи, Станислав Семенович негромко спросил плетущегося сзади Сему:

— А чем занимается Борис Лендарский?

— Бизнес Берни Лодера разнообразный, яйца он в одну корзину не складывает, хотя точному определению его бизнес не поддается... Но, судя по всему, процветает.

Перед ними простерлась долина, охваченная далекими скалистыми

горами, за снежные вершины которых цеплялись венчики перистых облачков. А внизу, на роскошном альпийском пастбище паслось несколько тысяч овец и, казалось, что снег выпал и в долине.

— Вот где деньги! — взмахнул рукой Сема. — Настоящее золотое руно!

— Да иди ты! — зло процедил Володя. — Тоже мне умник нашелся! Двух нот сыграть не смог!

— Мне эта консерватория вот где! — Сема рубанул себя ладонью по щеке. — Я в академию управления хотел, но дед настоял...

Вот так, под перепалку парней, и знакомился Станислав Семенович с Австралией. Вообще, оставшиеся до полета дни стали для него воистину "горячими": с утра — в машину, и — то поездка в город Ньюкасл, то на побережье, то в национальный парк "КосцюшкоСтет"... А еще экскурсии в музеи, на выставки, посещение театров... И каждый вечер его кто-нибудь непременно утаскивал к себе в гости, где за "рюмкой чая" засиживались в ностальгических воспоминаниях чуть не до утра. Спал он в эти дни часа по три-четыре... И еще два концерта, прошедшие с огромным успехом при переполненных залах...

Провожать в аэропорт Станислава Семеновича Лендарские приехали всем многочисленным семейством, оркестр — в полном составе, и человек двадцать "фанов", горячих почитателей его таланта. Из знакомых не было только Володи и Семена-внука. Мама Люба повисла у него на руке, не отпуская от себя ни на шаг. Папа Коля, слегка пьяненький, время от времени теребил сына, что-то требуя, но всякий раз Борис твердо отвечал: "Нет, папа". Станислав Семенович рассеянно слушал непрерывные просьбы "передать...", "спросить...", "непременно зайти...", рассовывал по карманам письма и записки, кивал, улыбался...

Фу, наконец объявили посадку... И в этот момент в зал влетели Володя и Семен.

— Вот! Все-таки нашел! — Володя протянул Станиславу Семеновичу небольшое чучело утконоса.

— Я тоже успел! — Сема подал ему пачку газет. — Прямо из типографии!

Начались объятия, поцелуи, слезы... Наум Исаакович долго, молча тряс руку, потом, вдруг вспомнив что-то, улыбнулся:

— Так не забудьте, маэстро, передать привет Эрику от Нёмы.

Последним подошел прощаться Борис. Обнял артиста и, склонившись, на ухо спросил:

— Довольны?

- Очень, — так же тихо ответил Станислав Семенович. — Спасибо.
- Да ладно... Привет Одессе...

Расположившись в кресле, Станислав Семенович развернул газету. Это была русскоязычная "Горизонт".

"... Что делает публика, когда ей не хватает мест? Правильно, уносит из ближайшего парка скамейки в зрительный зал. А когда и этого недостаточно, публика просто стоит. Так все и было на двух концертах, на двух фейерверках, которые рассыпал над Сиднеем праздничными огнями народный артист Станислав Овсяник. Так все и будет, когда он придет к нам в следующий раз. Дай-то Бог!"

Станислав Семенович опустил газету на колени, прикрыл глаза и замурлыкал себе под нос: "Хороша-а страна... Австра-а-лия... а Одесса лучше всех..."

Р. С. Такая, или почти такая история случилась с народным артистом Украины С.С. К-ком. Автор просит извинения за возможные неточности, которые, естественно, не могли не возникнуть, поскольку сам он при этом событии не присутствовал, а пользовался рассказами других и даже слухами. Вот так в Одессе рождаются многочисленные мифы и легенды. Автор надеется, что и эта история займет в их ряду достойное место.

Crescendo

Снова дома

Я вернулся в Одессу летом сорок пятого года. Недавно закончилась война с Германией.

Поезд пришел на разбитый вокзал. Не было легкой стеклянной крыши, и перроном служили пружинящие под ногами доски.

Розовое солнце раннего утра освещало платаны Пушкинской улицы. На всем ее протяжении мне встретились два человека, это были дворничихи с метлами. Мои шаги казались слишком громкими.

На Соборной площади у дома Попудова, как и прежде, дремали на козлах извозчики в ожидании седоков. Я тут же вспомнил, как мама посылала меня в этот дом за фельдшерницей, чтобы сделать укол морфия. И отдавала фельдшернице приготовленные под подушкой пять рублей.

Кстати, извозчиков я в Куйбышеве не видел. Очевидно, не было кормов.

Окна в нашей парадной были забиты фанерой, уцелело несколько цветных витражей наверху.

Мачеха открыла мне дверь и громко заплакала. Остатки батальона отца попали в плен на мысе Херсонес под Севастополем. Это был последний день обороны, четвертое июля сорок второго года. Евреев расстреляли. Отец сам вырыл себе могилу. Украинцев отпустили домой. Об этом ей рассказала медсестра, все происходило на ее глазах.

Брат мачехи Виктор умер за несколько дней до освобождения. У старшего Калягина был инсульт, он на пенсии. "Идем, я тебе покажу наше место на кухне".

Она спешила на работу, счетоводом в каком-то учреждении, и ушла.

На выгоревшем сукне письменного стола лежало лопнувшее литое стекло, отец когда-то разбил его кулаком в пылу ссоры с тещей, Клавдией Осиповой. Мамин портрет над письменным столом уже не висел.

На полочке у моей железной кровати стояли те же книги: "Жан Кристоф" Роллана, я купил ее в букинистическом магазине перед войной, "Детство" и "Мои университеты" Горького. Впоследствии я узнал, что мачеха сожгла в печке отцовый юбилейный том Перекопской дивизии, но не при немцах, а когда вернулись наши. Она была напугана, все, побывавшие